

**ЭТИКО-МОРАЛЬНАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ
И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ ОРГАНОМ КОНСТИТУЦИОННОГО
КОНТРОЛЯ В СВЕТЕ ВОПРОСА ОБ ОСНОВАНИЯХ И ПРЕДЕЛАХ
ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД**

А. С. Гриценко

Дальневосточный Федеральный университет

Поступила в редакцию 30 декабря 2016 г.

Аннотация: *рассматривается вопрос о влиянии общественной морали, нравственности и социальных приоритетов на орган конституционного контроля в сфере ограничения основных прав и свобод. Анализируется этико-моральная аргументация при отправлении конституционного правосудия в сложных судебных делах.*

Ключевые слова: *Конституционный Суд, судебная аргументация, конституционное судопроизводство, судебный анализ основных прав и свобод, основания ограничения основных прав и свобод.*

Abstract: *the article deals with the question of how public morality, ethics and social priorities influence the body of the constitutional control in the matter of restrictions on fundamental rights and freedoms. The analysis of the theme of the presence of ethical-moral reasoning in the administration of constitutional justice in difficult cases when the Constitutional Court complicated from an ethical point of view, the choice.*

Key words: *constitutional Court, judicial reasoning, constitutional litigation, judicial review of fundamental rights and freedoms, the basis of limitation of fundamental rights and freedoms.*

Сравнение конституционных ценностей, их относительной значимости неизбежно наталкивается на проблему их несоизмеримости. В отличие от обычного судопроизводства поиск убедительного ответа в сложных судебных делах затруднен – его нельзя вывести из действующих правовых предписаний, а какие-либо рациональные критерии, способствующие сопоставлению конкурирующих ценностей, отсутствуют. В связи с этим орган конституционного контроля в своей практике нередко обращается к морали, нравственности и соображениям, которые непосредственно связаны с этико-моральной аргументацией.

**Исходные основания этико-моральной аргументации
в сложных судебных делах**

Разрешение неординарных судебных дел предполагает, что Конституционному Суду РФ (далее – Конституционный Суд; Суд) требуется дать ответ на неоднозначный с точки зрения этики практический вопрос. Задача Суда сводится к правильному определению соотношения конфликтующих сторон, их прав и интересов в системе конституционного

регулирования. В этом случае необходимо выяснить, какое место занимает та или иная ценность в совокупной системе ценностей всего общества.

Наиболее распространенным способом разрешения спора является рассуждение органа конституционной юстиции о том, какая из конкурирующих ценностей и, следовательно, интересов имеет приоритет при сложившихся обстоятельствах и, кроме того, «являются ли конкурирующие права и интересы в равной степени важными или отличающимися, а также подлежат ли они равному или различному признанию»¹. Это рассуждение, как показывает практика, часто строится на этико-моральном анализе со стороны органа конституционного контроля². Присутствие же в судебном акте анализа основных прав на предмет их этического содержания, в сущности, представляет собой высказывание органа конституционного контроля собственного мнения по вопросу расстановки приоритетов между основными правами и иными охраняемыми конституционным актом ценностями.

Преобладание этико-моральных составляющих в анализе Суда можно объяснить следующим. Любая теория основных прав в той или иной мере содержит этическое обоснование или претензию на нравственность. Конституционные ценности независимо от их происхождения, будь то свобода, жизнь, собственность или же справедливость и равенство, являются результатом морально-познавательной деятельности человека³, его способности мыслить этическими категориями⁴. «Права человека являются концепцией, имеющей этическую составляющую, следовательно, рассуждение, связанное с правами человека, не может быть изолированным от вопросов этики»⁵. Обобщенные категории конституционного акта способствуют также тому, что границы основных прав определяются не столько позитивным правом, сколько сложившимися представлениями о нравственности и (или) справедливости. К тому же, рассматривая спор о соотношении конституционных ценностей, Суд тем самым сообщает свое

¹ Шлинк Б. Пропорциональность // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2 (87). С. 59.

² «Хотя судьи и отдают должное взвешиванию и пропорциональности, более чем очевидно, что фактически их решения чаще всего опираются на моральные соображения» (Цакиракис С. Пропорциональность : посягательство на права человека? // Там же. 2011. № 2 (81). С. 62).

³ Связь права и морали представляется очевидной и, думается, не требует особого обоснования. Является ли мораль обязательным условием притязания на действительность правовой нормы или «право служит морали не посредством возложения правовых обязанностей, а посредством прав, которые оно гарантирует» (Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 58) не столь важно, ибо главное – это то, что такая связь есть.

⁴ «Главные элементы конституционализма, в частности основные права человека, получают вдохновение от важнейших моральных эмоций и отражаются в них» (Шайо А. Эмоциональные манипуляции : тонкая сущность конституционных институтов // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 1 (104). С. 48).

⁵ Мёллер К. Принцип соразмерности : ответ на критику // Там же. 2014. № 4 (101). С. 92.

видение относительно того, что есть правильное и должное в конкретной ситуации. Правильное и должное – категории из области морали и этики.

Применение подобных рассуждений является необходимым условием для того, чтобы выводы Суда были верны и обоснованы⁶. Претензия на нравственное обоснование, если верить Р. Алекси, непреложно связывает судебское решение. «Тот, кто намерен сказать, что есть должное, и не может при этом сослаться исключительно на решения властной инстанции, должен учесть все релевантные принципы, если он хочет соответствовать притязанию на правильность»⁷. Вместе с тем можно встретить мнение, что ссылки на гуманность и нравственность, т.е. категории из сферы морали и нравственности, являются не самыми убедительными основаниями для отправления конституционного правосудия, ибо «это лишь области размышлений, но не те «осязаемые» параметры, которые могли бы быть непосредственным основанием правоприменительных решений и тем более служить критерием для разрешения судебных споров»⁸. Чувство элементарной справедливости все же допускает некоторые ограничения основных прав и свобод через нормативные предписания, но в большей степени они обосновываются ссылками на иные ценностные основания.

Как бы то ни было, применение подобного анализа «неизбежно влечет за собой известную дозу субъективизма»⁹, поэтому нет оснований полагать, что решение органа конституционного контроля претендует на объективность, нейтральность и независимость от оценочных суждений. Вместе с тем ситуации, при которых Судом отдавался бы приоритет какой-либо группе ценностей, даже с учетом насущных экономических или социальных потребностей, а равно доминирующих общественных настроений и эмоций¹⁰ или воззрений на тему справедливости¹¹, если

---

⁶ «Нет никакой возможности согласиться с тем, что ценности соизмеримы вне моральных критериев, устанавливающих связь между ними и обосновывающих степень их приоритета. Если дискурс морали отсутствует, нет способа доказать, что ценности действительно соизмеримы» (*Цакиракис С.* Указ. соч. С. 62).

⁷ *Алекси Р.* Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). М., 2011. С. 95.

⁸ *Белкин А. А.* Конституционная охрана : три направления российской идеологии и практики. СПб., 1995. С. 121.

⁹ *Шлинк Б.* Пропорциональность // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2 (87). С. 63.

¹⁰ Впрочем, не только общество в целом, но и судьи, отправляющие правосудие в конституционной юстиции, могут быть подвержены влиянию доминирующего общественного мнения. От традиций и ментальных установок, придерживающихся отдельными судьями, может во многом зависеть результат рассмотрения дела в целом. «Ввиду эмоциональной составляющей когнитивного процесса абсурдно полагать, что законодатели руководствуются только интересами и ценностями, а судьи исключают любые эмоции в вопросах применения права» (*Шайо А.* Указ. соч. С. 47).

¹¹ См.: *Смилов Д.* Политика установления справедливости в переходный период : реституция собственности и равенство перед законом // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 4 (77). С. 37.

не неизбежны, то во всяком случае должны быть сведены к минимуму, поскольку это, думается, не совсем отвечает представлениям о том, как должно осуществляться конституционное правосудие. В связи с этим к конституционной юстиции предъявляется одно, но существенное требование: Суд по возможности должен избегать стремления высказывать свои приоритеты по поводу какой-либо отдельной группы ценностей.

Рациональная аргументация в сложных судебных делах

Возможно, ввиду вышеназванных затруднений, орган конституционной юстиции, как иногда отмечается, «стремится избегать аргументов из области морали, пряча свои рассуждения за нейтральными формулировками»¹², чтобы не вызывать постановленным судебным актом явных этических разногласий и последующих вероятных разночтений. «Примеры с открытым использованием конституционных ценностей показывают действительную причину разного решения одних и тех же конституционных проблем, несмотря на то что в большинстве решений такое использование ценностей осуществляется имплицитно и скрывается под видом формализованной логической рациональной аргументации»¹³. По этой причине некоторые судебные акты из-за их неоднозначности и неопределенности выводов вызывают в обществе (а иногда и между судьями) больше споров и вопросов, чем способствуют разрешению конфликта.

Впрочем, присутствие морально-этической составляющей в конституционном судопроизводстве не освобождает Суд от необходимости включения в текст постановленного решения рационального объяснения своих выводов. Рациональная аргументация необходима для обоснования Судом причины, по которой выбор пал в пользу той или иной ценности, и будет свидетельствовать о том, что Судом в ходе отправления правосудия не допущено субъективных умозаключений.

Необходимость в обосновании решения означает, что для вынесения справедливого судебного акта недостаточно того, чтобы Суд ссылался только на этико-моральные доминанты, превалирующие в обществе, поскольку аргументы и выводы должны быть подкреплены рациональными соображениями. По мнению А. Барака, «для суда недостаточно считать, исходя из своей субъективной точки зрения, что одна ценность предпочтительнее другой. Он должен обосновывать свои предпочтения рациональными объяснениями»¹⁴. Иное свидетельствовало бы о стремлении Суда высказать свое субъективное видение вопроса. К тому же качество судебного решения, надо полагать, всегда выше, когда оно обосновано чем-то, помимо нравственных соображений. Рациональное обоснование, ко всему прочему, способствует тому, что противоречивый и сложный с этической точки зрения выбор, касающийся сравнительной значимости

¹² Цакиракис С. Указ. соч. С. 63.

¹³ Белов С. А. Пределы универсальности конституционализма : влияние национальных ценностей на практику принятия решений конституционными судами // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4 (101). С. 51.

¹⁴ Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999. С. 204.

конкурирующих ценностей, становится более понятным. И даже в случае непринятия его некоторой частью населения, по крайней мере, ясно, какими соображениями он обусловлен.

Рациональность, впрочем, вовсе не означает, что Суд вместо этического анализа должен проводить анализ «выгод и издержек». Последнее как раз противоречило бы назначению конституционного судопроизводства. Но, совершая выбор в пользу той или иной конкурирующей ценности, необходимо иметь в виду, что улучшение действующего положения одних прав и свобод неизбежно ухудшает положение других. Во всяком случае, когда речь идет об ограничении фундаментальных конституционных прав, предполагается, что выгоды от достижения законодательной цели должны существенным образом перевешивать ущерб, который наносится для их реализации. Задумывая выбор между конституционными ценностями, с Суда, как и с других государственно-властных органов, не снимается обязанность заботиться об общем результате.

Конституционное судопроизводство и доминирующая общественная мораль

Если под сущностью конституционного акта понимать «юридически оформленный гражданский мир, т.е. общественное согласие, основанное на личной и политической свободе»¹⁵, то конституционное общество есть легитимированный консенсус с использованием демократических процедур, основанный на стремлениях к согласованию индивидуальных свобод с общественными спокойствием и благополучием. Следуя этому утверждению, думается, что согласование конституционных ценностей претендует на достижение этико-морального согласия в обществе. В области же конституционного судопроизводства такое согласие возможно постольку, поскольку орган конституционного контроля применяет правовые и моральные ценности, признанные и разделяемые всем обществом или большей его частью.

Как и всякое правовое предписание, предполагается, что судебный акт не возымеет продолжительной эффективности и поддержки, если будет принят вразрез с моралью, преобладающей в обществе, поэтому судебное решение должно демонстрировать «конкретное соответствие с моралью или справедливостью»¹⁶, и только в этом случае оно будет признано легитимным. Общественная поддержка, как иногда отмечается, является одним из важнейших условий, позволяющих органу конституционного контроля защищать права человека¹⁷. «Общественное восприятие, вне зависимости от того, оправдано оно или нет, само по себе является важным фактором и должно учитываться при оценке издержек и преимуществ альтернативных методов исследования ограничений кон-

---

¹⁵ Арановский К. В. Конституционная традиция в российской среде. СПб., 2003. С. 194.

¹⁶ Харт Г. Л. А. Понятие права. СПб., 2007. С. 187.

¹⁷ См.: Перетти Т. Политическое толкование прав человека в США // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 6 (73). С. 113.

ституционных прав»¹⁸. Впрочем, и конституционное правоупотребление возможно лишь при условии, что основные права одобрены и поддерживаются общественностью.

Возможно, что при разрешении вопроса ограничения основного права или свободы ради иных, не менее значимых ценностей для органа конституционного нормоконтроля, «особенно важны нравственные соображения и учет возможных последствий. В случаях неопределенности суд не может пренебречь общественными настроениями, существующими на данный момент»¹⁹. В связи с этим перед органом конституционного контроля возникает сложный с практической и этической точек зрения вопрос: как определить то, что социум действительно в большинстве своем разделяет и ценит в силу традиции, сложившихся исторических реалий, политического контекста или же обыденной жизни? «Несомненно, – пишет А. Шайо, – существуют ценности, имеющие скорее формально-юридический характер, и ценности, доступные общественному восприятию. Например, принцип верховенства права является правовой ценностью, и в его толковании судьи обладают большей компетенцией. Но, конечно, конституции содержат и концепции социальных ценностей, которые считаются правовыми и в то же время открытыми для всех»²⁰.

Формально конституционный акт нормативно опосредует приверженность ценностям, которые разделяют и большинство, и меньшинство, во всяком случае до определенной степени. Стоит, однако, иметь в виду тот факт, что в реальной жизни всегда есть разногласия, которые препятствуют признанию за теми или иными ценностями статуса общепризнанных. Но даже если имеется основательный консенсус относительно какого-либо вопроса среди большинства, учету подлежит мнение меньшинства, так как конституционно-правовая защита распространяется и на их интересы. «Предназначение конституции, по мнению Р. Дворкина защищать отдельных граждан и группы населения от определенных решений, принятие которых может быть желательным для большинства граждан, даже когда это большинство считает, что действует в интересах всего общества»²¹. К тому же судебский выбор, совершаемый без учета

¹⁸ Садурский В. «Разумность» и плюрализм ценностей в праве и политике // Конституционные ценности в теории и судебной практике : сб. докладов. М., 2009. С. 30.

¹⁹ Шайо А. Возможности конституционного контроля в сфере социальных прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 4 (61). С. 39. В конечном счете «даже в недемократических государствах удерживается у власти только то правительство, которое опирается на общественное мнение» (Мизес Л. Ф. Индивид, рынок и правовое государство. СПб., 1999. С.123).

²⁰ Шайо А. Конституционные ценности в теории и судебной практике // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4 (65). С. 5. См. об этом же: Варламова Н. А. Права человека как предмет юридической интерпретации // Государство и право. 2009. № 2. С. 24–29.

²¹ Дворкин Р. О правах всерьез. М., 2004. С.187. Схожего мнения придерживался экономист М. Фридман, считавший конституционный принцип самоограничения, призывающий к отказу от следования воле большинства в известных

интересов всех частей общества, будет подвержен большей критике как предвзятый и несправедливый.

И хотя отечественная Конституция не предусматривает иерархическое положение²² прав и свобод, все же стоит признать, что «ценности в сознании человека и массовом сознании строятся по иерархическому принципу: одни из них являются менее значимыми, чем другие, и ими можно пожертвовать во имя более значимых ценностей»²³. Но если всякий раз отдавать приоритет только тем принципам и ценностям, которые поддерживаются большинством, то решение Суда в вопросе ограничения основных прав, думается, чаще всего будет на стороне доминирующей морали, т.е. публичного интереса. «Интересы, защищаемые правами человека, оцениваются по той же шкале, что и любые другие интересы частных лиц или государства, и находятся с ними в равном положении. При таком подходе интересы большинства имеют тенденцию «перевешивать» интересы частных лиц и меньшинств»²⁴. В свою очередь, иные конституционные ценности, пользующиеся меньшей моральной поддержкой в обществе, но от этого не утрачивающие своей значимости, будут всегда находиться в проигрыше.

В представлении Конституционного Суда согласование основополагающих прав и интересов индивида, с одной стороны, и публичных интересов, посягающих на них, – с другой, представляет собой конфликт равнозначных с точки зрения конституционной защиты прав и свобод. Требование практического согласования и наиболее приемлемого уравнивания конкурирующих конституционно защищаемых ценностей предполагает, что в процессе сопоставления сохраняется условная значи-

---

вопросах, необходимым фактором свободы, через который проявляет себя конституционализм (см.: *Фридман М.* Капитализм и свобода. М., 2006. С. 49).

²² Необходимо учитывать, что такого мнения придерживаются не все ученые-конституционалисты. Так, В. Д. Зорькин считает, что «конституционные ценности образуют системное единство и находятся в определенной иерархической соподчиненности». Впрочем, отмечает автор, «недопустимы подмена одной ценности другой или ее умаление за счет другой ценности» (*Зорькин В. Д.* Современный мир, право и Конституция. М., 2010. С. 81. *Его же.* Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4 (65). С. 8).

²³ *Пресняков М. В.* Критерии справедливого баланса конституционных ценностей в деятельности Конституционного Суда России // Актуальные вопросы конституционного правосудия (по материалам «Журнала конституционного правосудия»). М., 2011. С. 256. Замечено, что «существующая в массовом сознании иерархия конституционных прав и свобод в целом находится в обратной зависимости от степени удовлетворенности населения уровнем их реализации» (*Михайловская И. Б.* Права и свободы личности в массовом сознании населения России // Конституционное право : восточноевропейское обозрение. № 1 (10). 1995. С. 37). Наверное, этим в известной мере можно объяснить значимость социальных прав в массовом сознании в отличие от классических либеральных прав и свобод.

²⁴ *Цакиракис С.* Указ. соч. С. 49. Аналогичное мнение см. также: *Шлинк Б.* Пропорциональность // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2 (87). С. 68.

мость каждой из них, независимо от того, поддерживает ли их большинство или меньшинство. Возможно, конституционные нормы не дифференцируются в зависимости от их качества на «сильные» или «слабые», но в обыденном представлении людей «они имеют разный вес»²⁵. Другими словами, за каждой конкурирующей ценностью признается значимость и важность для общества и конституционного строя, но за «проигравшей» ценностью все же признается меньший вес.

Опасность такого подхода заключается в следующем: если основные права не признаются «политическими козырями»²⁶, то они остаются без приоритета по отношению к тем ценностям, которые пользуются большей симпатией среди общественных масс и фактически утрачивают свой первоначальный замысел – защищать область личного. В сложившихся условиях фундаментальные права, или так называемые права первого поколения, теряют свою исключительность и ставятся в один ряд с правами второго и третьего поколений. То есть ущемляются те индивидуальные права и свободы, к которым принято относить классические либеральные ценности, например право собственности. В то же время охранительные права, как-то: защита прав работающего населения, окружающей среды или социально незащищенных слоев, – будут пользоваться повышенной конституционной защитой.

Однако представляется, фундаментальные конституционные права должны пользоваться повышенной защитой и уважением независимо от того факта, что их ограничение служит интересам многих. В отношении конституционной юстиции это предполагает требование воздержаться от простого предпочтения одной конституционной ценности в угоду другой, поскольку это равносильно отрицанию какой-либо из них. От Суда требуется не нарушать по мере возможности свободу всего сообщества, пытаясь защитить права его отдельных членов. По мнению Т. Цварт, «защита прав человека является благородной деятельностью, которая должна приветствоваться, судам следует это делать, не выходя за рамки своих полномочий»²⁷. Поэтому, в целях защиты тех конституционных прав и свобод, которые не до конца заручились поддержкой общественности, возможным представляется исходить из того, что конституционный акт – это не только общественный консенсус, но и сознательно избранная

---

²⁵ Пфферсманн О. Значение социальных принципов в сравнительном конституционном праве // Конституционное правосудие и социальное государство : сб. докладов. М., 2003. С. 29.

²⁶ «Индивидуальные права, – как утверждает Р. Дворкин, – это политические козыри в руках людей. Люди пользуются этими правами тогда, когда, в силу тех или иных причин, коллективная цель не является достаточным оправданием для того, чтобы не позволить им иметь или делать то, что они как индивиды хотят иметь или хотят делать, или для того, чтобы их чего-либо лишить или нанести им какой-либо ущерб» (Дворкин Р. С. О правах всерьез. М., 2004. С. 11).

²⁷ Цварт Т. Основные социальные права : мощный инструмент, нуждающийся в надежных руках // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 1 (61). С. 52.

долговременная стратегия. С его помощью общество или отдельные его члены стремятся защитить себя от наиболее опасных и спорных политических тенденций.

Конституционные права и свободы защищены в той мере, пока государство не противопоставляет им какие-либо общественно значимые интересы, требующие вмешательства в сферу их реализации или ограничения. Естественные и неотчуждаемые права индивида признаются на конституционном уровне, однако, как показывает конституционная практика, сфера их применения, содержание и степень защиты не так однозначны. Для наглядности обратимся к такой конституционно значимой ценности, как собственность. Помимо общих оснований ограничения основных прав, перечисленных в ст. 17 Конституции РФ, положения ч. 3 ст. 55 Конституции РФ сообщают, что под защиту государства взяты публичная нравственность и здоровье человека, т.е. категории обобщенные и, по существу, представляющие собой моральные ценности. «В качестве конституционной ценности сквозь призму статьи 55 Конституции воспринимается и система моральных ценностей»²⁸.

Действительно, общее конституционное требование проявлять заботу о населении на должном уровне и поддерживать общественное благосостояние, нравственное благополучие и социальное развитие граждан служит оправданием для ограничения фундаментальных прав и свобод. Поэтому, когда за обоснованием правомерности государственного вмешательства скрываются мотивы гуманизма, нравственные идеалы и иные соображения, основанные на сострадании и добродетели, тогда «большинство конституционных судов не испытывает затруднений, когда речь заходит о радикальном ограничении права на собственность во имя социальной политики, благопрियствуя тем группам населения, которые считаются уязвимыми и подлежащими особой защите»²⁹.

Из практики Конституционного Суда усматривается, что забота о публичной нравственности, здоровье и благополучии всего общества или некоторой его части оправдывает правомерные ограничения такого основного права, как собственность³⁰. В некоторых случаях такие основания настолько значимы, что накладывают на носителя права повышенные обязательства перед обществом³¹. Другое дело, если от основных

---

²⁸ Гаджиев Г. А. О пространственно-временном мышлении в конституционном праве (вопросы юридической онтологии и аксиологии) // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 6 (85). С. 83.

²⁹ Шайо А. Возможности конституционного контроля в сфере социальных прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 4 (61). С. 45.

³⁰ Данные выводы следуют из анализа постановления Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 29-П по делу о проверке конституционности положения подпункта 3 пункта 2 статьи 106 Воздушного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Авиационная компания «Полет» и открытых акционерных обществ «Авиакомпания «Сибирь» и «Авиакомпания «ЮТэйр». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision82836.pdf>

³¹ По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 33340 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной

прав требуется уступка ради возвеличивания моральных ценностей, то от этого они не перестают или во всяком случае не должны переставать уважаться, а тем более принижаться. Поэтому необходимость защиты различных социальных морально-этических институтов, даже если они отвечают нравственным представлениям и интересам большей части населения, не могут и не должны оправдывать несоразмерные ограничения фундаментальных прав и свобод.

С другой стороны, велика вероятность, что собственность интенсивно ограничивается еще тогда, когда в массовом сознании она не заручилась твердыми морально-этическими убеждениями, общественной поддержкой и уважением, независимо от закрепления за ней статуса конституционной ценности. Думается, частная собственность, особенно та, которая используется в коммерческом обороте, таких убедительных оснований в российском правовом сознании не имеет³².

Сказанное может означать, что в практике Суда должны отсутствовать предпочтения общественных настроений, склонных к перераспределению собственности ввиду морально-этического долга³³ или, скажем, того, что политика государства отражает устремления достаточно большой части населения. «Конституция, однако, не связывает переходы из

ответственностью «Встреча» : постановление Конституционного Суда от 23 мая 2013 № 11-П (URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision132500.pdf>). В данном деле Суд пришел к выводу о том, что необходимость проявлять особую заботу и осмотрительность о нравственности и здоровье населения со стороны государства, когда речь идет об обороте алкогольсодержащей продукции, является весомым основанием для ограничения основополагающего права еще до момента начала непосредственного осуществления.

³² Это заметно хотя бы по тому количеству публикаций, в которых их авторы прямо высказывают свои эгалитарные настроения и рассуждают о необходимости закрепления повышенной социальной ответственности собственности и субъектов предпринимательства на конституционном уровне. См., например: *Мозолин В. П.* Модернизация права собственности в экономическом измерении // Журнал рос. права. 2011. № 1. С. 30 ; *Авдийский В. И., Павликов С. Г.* О соотношении экономики и права и тенденциях конституционно-правового регулирования экономических отношений // Там же. № 11. С. 35–42 ; *Грудцына Л. Ю.* Народ, гражданское общество и Конституция // Там же. № 1. С. 56–62 ; *Родионова О. В.* Юридическая сущность «права на достойное существование» // Правоведение. 2004. № 2. С. 182–188 ; *Чиркин В. Е.* Социальная эволюция конституционного права частной собственности // Государство и право. 2014. № 12. С. 14–22 ; и др.

³³ Конституция РФ, если говорить прямо, весьма сдержана в этих вопросах в отличие от конституций других постсоциалистических государств, которые охотно переняли в том или ином виде известный постулат Веймарской Конституции о том, что «собственность накладывает обязательства. Ее применение должно одновременно служить общественному благу». В особом мнении к постановлению от 23 мая 2013 № 11-П судья К.В. Арановский высказался следующим образом: «Как правовое государство Российская Федерация не может ставить несправедливое обогащение целью. Тем более нельзя ссылками на публичный интерес поддерживать конфискационные предубеждения к частной собственности и предпринимательству». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision132500.pdf>

неправа в право с тем, что одиночное притязание становится общим. Она позволяет отказать даже многим, если чаемые ими блага не составляют предмета прав. В ином случае пришлось бы решить, что «многолюдное благоденствие дороже свободы человека»³⁴.

Таким образом, судебское решение, которое устраивало бы всех членов общества, относится больше к области идеального судопроизводства. Думается, что конституционное судопроизводство должно к этому стремиться, но на практике достижение полного единодушия по каждому вопросу является маловероятным. Возможно, еще и поэтому Конституционный Суд, в том числе по причине притязания его решений на моральную правильность, вынужден в интересах дела исходить из воли большинства, но с тем уточнением, что руководство принципом большинства есть целесообразность, а не основополагающий принцип сам по себе.

Решение Суда подвержено требованиям о соответствии его аргументации общепринятым представлениям о морали и этике. Непосредственный выбор между конкурирующими конституционными ценностями во многом зависит от того, получили ли они достаточную общественную моральную поддержку, а также какая из ценностей пользуется этой поддержкой в большей степени. Содержание и выводы судебного решения в известной мере зависят от ценностных ориентаций и взглядов, разделяемых теми, кто правомочен эти решения принимать. Рассуждения о ценностях не лишены субъективных оценок и эмоционального окраса, но, вместе с тем, из позиций Конституционного Суда следует, что помимо нравственного и этического обоснования, в вопросе сопоставления должны присутствовать также и рациональные объяснения. Сопоставление, таким образом, направлено на достижение общественного согласия и, по существу, представляет собой этическое рассуждение органа конституционного контроля, направленное на разрешение практического вопроса: какое место занимает каждая из сопоставляемых ценностей в общей системе ценностей или, если более конкретно, какие из них имеют приоритет при сложившихся обстоятельствах.

---

³⁴ Арановский К. В., Князев С. Д., Хохлов Е. Б. О правах человека и социальных правах // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4 (89). С. 80.

Дальневосточный Федеральный университет

*Гриценко А. С., аспирант кафедры государственного и административного права
E-mail: irman2000@yandex.ru
Тел.: 8-981-781-32-03*

Far Eastern Federal University

*Gritsenko A. S., Post-graduate Student of the State and Administrative Law Department
E-mail: irman2000@yandex.ru
Tel.: 8-981-781-32-03*